

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 4. С. 3–12

УДК 177

ПЕРСПЕКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИАЛОГИЧНОСТИ. АНАЛИЗ ФИГУРЫ СВОЯК-ВРАГ ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУША ДЕ КАСТРУ

Акулинин В.Н.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Email: akulininvn@gmail.com

Работа посвящена проблеме диалогичности. Минуют магистральные направления исследований философии диалога, проблематика настоящей статьи основывается на двойственности фигуры шпиона, в которой проявляется диалогичность. Такой подход позволяет исследовать диалог как философскую практику, акцентировав внимание на диалогичности как свойстве режима практики фигуры (шпиона) с парадоксальной идентичностью.

Особенность фигуры шпиона заключается в существовании двух перспектив. С одной стороны, у шпиона есть Родина, которую он защищает. На территории Родины шпион является «своим». Но чтобы защищать Родину, шпиону нужно покинуть ее и оказаться на территории врага, то есть стать «чужим» своей Родине, и все же остаться ей «своим», чтобы осуществлять шпионаж.

В механике фигуры шпиона обнаруживается диалогичность. Свой и чужой находят в постоянном диалоге. Идентичность шпиона – это свой-чужой, то есть двойная, парадоксальная идентичность. Исследование основывается на перспективистском подходе бразильского философа Эдуарду Вивейруша де Кастру, а также опирается на перспективистскую философию Фридриха Ницше и делезианскую интерпретацию перспективистской философии Готфрида Лейбница. Возникающее в фигуре шпиона напряжение улавливается перспективистской оптикой исследований.

Шпионская деятельность рассматривается как практика двойной игры. Причем, не в военном или политическом контексте, а в контексте повседневном. Такой ракурс позволяет актуализировать вопрос о диалогичности в широком смысле. Диалогичности как свойстве режима практики, осуществляемого субъектом с парадоксальной идентичностью.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, перспективизм, шпион, свой-чужой

Каким образом диалог может быть изучен в качестве философской практики? Как нужно писать исследование о диалоге, если мы стремимся удерживать эпистемологическую перспективу Платона и онтологическую перспективу более поздних исследователей диалога (например, Мартина Бубера или Габриеля Марселя)? Удерживание обеих перспектив необходимо, поскольку они имеют непосредственное отношение к замысленному нами исследованию.

Один из возможных ответов: писать диалогично. Что это значит? Стоит избрать такой метод и такой предмет, которые были бы диалогическими сами по себе. Такое совпадение по принципу диалогичности дало бы возможность провести исследование данного феномена. То есть предметом такого исследования могла бы стать диалогичность. Структура такого исследования была бы схожа со структурой диалога: двое высказывающихся (метод и объект) и пространство между ними, порождаемое их диалогическим отношением (письмо исследования). Под письмом мы имеем в виду написание исследования, то есть его фиксацию посредством создания текста.

При таком подходе к исследованию произойдет процесс интенсификации. Совпавшие диалогически объект и метод создадут напряжение смысла, которое возникает в диалоге, когда направления мысли встречаются в общем пространстве (обсуждаемого сюжета – в диалоге, предмета – в исследовании) и накладываются друг на друга в спектре совпадения/несовпадения. Диалогически устроенный метод будет улавливать диалогически устроенный объект. Таким образом, мы получим исследование диалогического (отношения объекта и метода по предмету диалогичности), проведенного диалогически (сам метод работает диалогически и потому может охватить диалогические отношения).

Итак, если мы хотим исследовать диалог, опираясь на его интенсификационный характер, нам нужно найти векторы совмещения метода и объекта. Если объектом является диалог, а предметом является диалогичность, нужно найти подходящую концептуализацию диалога, которая бы акцентировалась на диалогичности.

Поскольку наше исследование – это исследование диалогического, а не исследования диалога, искомая концептуализация должна быть концептуализацией диалогического. Таким образом, речь должна идти не о какой бы то ни было философии диалога, то есть не о специальной линии мышления о диалоге. Такой подход здесь не годится, потому что диалог в специальном преломлении становится второй стороной диалога, а не партнером по диалогу.

Продуктивным для исследования в этом отношении представляется нестандартный ракурс на проблему. Мы отдаем себе отчет в том, что такой подход должен иметь достаточное основание. В качестве такого основания мы обращаемся к работе Франсуа Жюльена [1], которая предлагает необходимое для нас нестандартное исследовательское решение. Нечто такое, что французский философ назвал «обходным маневром, который, вернее всего, приводит нас к цели» [1, С. 5]. Исходя из логики обходного маневра, мы можем не говорить о диалоге, а говорить диалогично. И в этом говорении исследовать диалогичность. Мы подходим к диалогу не напрямик, мы идем к нему в обход. Диалог должен стать неочевидным предметом размышления, подразумеваемым в подходящей для этого фигуре, которая и будет предметом исследования. Франсуа Жюльен: «когда я высказываю одно, другое оказывается подразумеваемым, высказывая второе, я более глубоко постигаю первое» [1, С. 341]. Высказываться мы будем о фигуре шпиона, подразумевать – диалогическое.

Шпион в данном случае – это концепт. В оперировании с ним мы будем исходить из его логики: субъект выдает себя за того, кем он не является, понимая, что он, действительно, не является тем, за кого себя выдает, но играет роль другого по тем или иным причинам. Специальное понимание шпиона, то есть понимание военного права, будет рассмотрено в статье в качестве одной из онтологий шпиона.

Указанная выше неочевидность здесь заключается в смещении фокуса: с диалога как практики на диалогичность как свойства. Диалогичность, таким образом, должна совпасть по линиям объекта и метода, произведя тем самым интенсификацию в письме. Итак: мы должны найти такую концептуализацию диалогического, которая бы не была очевидной рефлексией о диалоге. Это позволит нам говорить о диалоге, не говоря о нем напрямую.

В качестве такой концептуализации мы избрали перспективизм в его изложении Эдуарду Вивейрушем де Кастру [2]. Исходя из видения Ницше «субъекта как множественности» [3, С. 284] и тезиса о том, что «перспективизм есть только сложная форма специфичности» [3, С. 352], де Кастру разрабатывает свой проект каннибальских метафизик. Этот проект интересен для нас ввиду своей неочевидности как философии диалога и в то же время насыщенности диалогическим. Де Кастру не исследует диалог как таковой. Но в исследовании своего предмета («туземной альтер-антропологии» [2, С. 17]) автор разрабатывает такую концептуализацию, которая отвечает диалогической логике.

Перспективизм в изложении де Кастру в настоящей работе будет использоваться как метод исследования. Он позволит актуализировать процесс смены перспектив, сконцентрироваться на ритмике. Показать динамику диалогического, проявления сторон диалога в этом постоянном смещении [4, С. 33]. Перспективизм будет здесь пониматься как оптика, позволяющая оперировать диалогическим.

Концептуализация диалогического де Кастру будет взята в качестве модели (в терминологии де Кастру – двойника) для исследования диалогического характера номинального предмета исследования – фигуры шпиона и неочевидного предмета – диалогичности.

Метод, объект (номинальный и подразумеваемый), таким образом, располагаются в одном регистре и могут быть восприняты письмом. Теперь нам остается ввести проект интенсификации диалогического в исследовательскую фазу. Но прежде формализуем основные логические позиции исследования. Цель статьи – разработать перспективистский концепт диалогического. Задачи статьи: разработать способ исследования метода и объекта по их предмету; найти такую философскую концептуализацию диалогичности, которая бы не была концептуализацией диалога; исследовать фигуру шпиона в качестве модели диалогического.

Де Кастру пишет о специфических метафизических особенностях амазонских племен. Для нас особенно интересен реляционный статус хищника и добычи [2, С. 22-31] как одно из следствий мультиплатурализма [2, С. 31-42]. Взаимная идентификация хищника и добычи не связана с четкими видовыми особенностями. Иными словами, человек – не всегда охотник, а животное – не всегда добыча. Такое реляционное положение обусловлено видением, согласно

которому природ много (мультинатурализм), а культура одна. «Ягуары видят в крови кукурузное пиво» [2, С. 24], пот33333333ому что ягуары пьют кровь так же, как люди пьют пиво – это общая культурная особенность. Поэтому когда человек выходит на охоту, он является хищником, а ягуар – жертвой. Когда же на охоту выходит ягуар, он становится хищником, За человек становится жертвой. Быть хищником или быть жертвой – это вопрос перспективы.

Интересным следствием такой онтологии является и реляционное отношение в модусе человек – человек. Члены враждебного племени относятся друг к другу как ягуар к человеку, то есть, как хищник относится к жертве. Де Кастру: «на старом тупи для “врага” и “своика было одно слово – *tovajar*, что буквально означает “противоположный» [2, С.98]. Основываясь на исследовании де Кастру, можно заключить, что такая лингвистическая экономия не связана со скудностью языка, а проистекает из онтологических воззрений. К схожим выводам приходит другой исследователь амазонских племен Эдуардо Кон: «на языке кечуа пума значит просто “хищник”. Так, енота, охотящегося на моллюсков, называют «чуру пума, то есть хищник, охотящийся на улиток» [5, С. 149], человека-хищника называют «руна-пума» [5, С. 27]. Лингвистически статус хищника может получить каждое существо, которое на кого-то охотится. Но в отличие от де Кастру, хищничество Кона менее диалогично, поэтому его концептуализация не взята за основу настоящей работы, а приводится лишь в качестве примера.

Вернемся к сюжету де Кастру. Выводимая им парадоксальная фигура может существовать лишь благодаря удержанию двух перспектив: свояк и враг. В каждый момент субъект занимает лишь одну из перспектив. Но нахождение именно на этой точке зрения здесь и сейчас обусловлено актуальным отсутствием на другой точке зрения. И все же это отсутствие не исключает эту точку из общей топологии. Своик-враг переключается между перспективами, но это переключение не исключает, а диалогическое. Вторая точка зрения удерживается, она принимается в расчет, она оказывает влияние. Прибегая к современным концептуальным находкам, мы можем сказать, что эта точка обладает агентностью [6,7].

Хотя точка и не актуализирована, то есть не является той точкой, из которой в данный момент осуществляется зрение, она влияет на точку зрения актуальную, то есть ту, из которой зрение осуществляется в настоящий момент. Это влияние не активно: деактуализированная точка не может завладеть зрением, всецело или его частью, но своим существованием, она делает возможным альтернативную перспективу. Не актуальная точка зрения агентна.

Плененный член вражеского племени, попадающий в племя противника, не является просто чужим. Он становится отчасти своим: «военнопленные...могли долго жить среди последних [тех, кто их пленил – В.А.]...обычно с ними хорошо обращались...было принято давать им женщин племени в качестве жен, так что пленники превращались в свояков...» [5, С. 98]. В этой цитате нас интересуют не отсылки к теории родства Леви-Стросса, а практическая вовлеченность пленника в жизнь своих завоевателей. С ним достойно обращаются, он делит одно жизненное пространство с врагами, он даже пользуется такими привилегиями, как обладание женщинами. Враг становится свояком (пленник становится частью племени), но

становление свояком происходит в горизонте его враждебности (все-таки он пленник). Вспомним слова Делеза и Гваттари: «становление – это акт, при котором нечто или некто все время становится другим, продолжая быть тем, что он есть» [8, С. 205].

Пленный враг не перестает воспринимать свое родное племя как свое, несмотря на то, что сейчас является свояком в другом племени. Он удерживает обе перспективы, потому что одна перспектива питает другую: он пленник именно потому, что он враг этого племени, то есть свояк в другом племени. Пространство вражды между племенами – это пространство связи между двумя перспективами. Племена и их члены находятся в диалогическом состоянии. Они имеют, что сказать (и сделать) другой стороне, отдавая себе отчет в том, что имеют им сказать (и сделать) их враги. Обе стороны информированы относительно позиций друг друга в вопросе взаимного отношения. Также как обе стороны диалога информированы о позиции собеседника по обсуждаемому вопросу. В двойственности обнаруживается странный вид обратной связи. Перспективизм как оптика для диалогического совпала с концептуализацией де Кастру в модели свояк-враг. С помощью полученного сгущения нам остается уловить диалогичность в фигуре шпиона.

Мы будем говорить и шпионе, основываясь на его специальной онтологии. То есть на онтологии, которую может предложить военное право на вопрос о том: как действует шпион? Ввиду характера исследования, мы не будем использовать специальную военную терминологию. Мы ограничимся логикой функционирования фигуры шпиона. Для удобства изложения, мы будем понимать под Родиной территорию, на которой шпион появляется (то есть страну, военнослужащим которой является субъект, который получает задание осуществлять шпионаж). Под Чужбиной – территорию, на которой шпион осуществляет шпионаж.

Шпион – это субъект, который действует на двух территориях. В этом он схож со свояком-врагом. У него есть Родина (как и родное племя у свояка-врага). На ней субъект становится шпионом, то есть принимает двойственность своего положения, вступает во внутренний диалог. Он понимает, что остаться своим Родине, физически оставаясь на ней, невозможно (член родного племени вынужден вступить в столкновение с членами другого племени, чтобы защитить свое племя). Для того, чтобы быть шпионом, субъекту нужно покинуть Родину и обосноваться на Чужбине, у врага. Де Кастру: «он [шпион – В.А.] воспринимает себя как субъекта, начиная с того момента, когда видит себя самого глазами своей жертвы [Чужбины – В.А.]» [2, С. 101]. Далее для удобства соотнесения свояка-врага и шпиона пространство Родины будем называть «своими», пространство Чужбины – «чужими».

Оказавшись среди чужих, шпиону нельзя забывать о том, что они – чужие. Если он перестанет воспринимать чужих как чужих и станет воспринимать их как своих, он перестанет быть шпионом (поскольку одна из перспектив перестанет быть удерживаемой) и станет предателем. Он предаст своих. Те, кто были своими, станут для него чужими. Те, кто были чужими, станут своими. Но предатель, в отличие от шпиона, уже не может функционировать в режиме «свой-чужой». Он не удерживает обе перспективы – одной из перспектив отказано. Его идентичность однозначна: он

отказался от прежних своих. Прежние свои маркируют его как предателя, то есть больше не рассчитывают на него. Нынешние свои, в пользу которых было совершено предательство, также не могут рассчитывать на него в секретных операциях, потому что его статус раскрыт. Предатель теряет диалогичность.

Вернуть диалогичность предателю позволит перевербовка. Перевербовка – это ситуация, при которой враг уличает субъекта в шпионаже и предлагает ему шпионить для тех, кто его раскрыл. По сути в этом случае шпион становится шпионом наоборот. Это тоже будет предательством по отношению к прежним своим, но в отличие от фигуры предателя, фигура перевербованного шпиона не раскрыта, поэтому прежним своим о предательстве неизвестно. При перевербовке отношений свой-чужой переворачивается. Это первая перспектива.

Вторая перспектива. Шпиону нельзя относиться к чужим как к чужим. Ведь ему необходимо интегрироваться в пространство чужих для того, чтобы начать шпионаж: сбор сведений, подрывную деятельность. Ему нужно принять правила игры чужих, мыслить так же, как они, чтобы участвовать в языковых играх, транслировать правильные паттерны поведения и выносить правильные суждения. Шпион должен уловить аутентичность чужих, но не потерять аутентичности своих. Де КаSTRU: «в жертве усваивались именно знаки ее инаковости, а целью была инаковость как точка зрения на Себя» [2, С. 100]. Шпиону нужно быть своим среди чужих, но в то же время не становиться чужим своим. С практической точки зрения это значит, что каждая интеракция шпиона рассматривается им как действие своего чужим и поэтому не чужого своим.

Первая перспектива – стать своим чужим. Вторая перспектива – не стать чужим своим. Ни одна из перспектив не может навязать свое видение другой без того, чтобы не разрушить диалог. По Ницше, воля к власти одной перспективы толкает ее на расширение в сторону другой, захват другой. Если такой захват невозможен, две силы объединяются, чтобы следовать далее в общем русле. В диалогическом отношении захват становится невозможным, а слияние есть форма. Отказ от одной из перспектив толкает к растворению диалогичности. Положения перспектив схожи с положениями маятника по разные стороны от центра, состояния покоя. Пространство колебания едино.

Шпион – это свой-чужой. Причем никто, кроме шпиона, не может доподлинно знать, кто он сейчас на самом деле: свой или чужой. Родина может подозревать в двойной игре (может, его уже перевербовали?), Чужбина может подозревать в шпионаже (может быть, он только притворяется "нашим человеком", а на самом деле он – враг?). В обоих случаях свойскость (свойство того, кто является своим) шпиона может быть поставлена под сомнение. Такова его парадоксальная механика. Шпион диалогичен и потому подвижен.

Обратимся к некоторым концептам. Двойственная идентичность шпиона (настоящая и, как бы мог сказать Ирвин Гофман, – сфабрикованная [9, С. 217 - 269]) подразумевает неопределенность. Поэтому мы не можем говорить о «зависимости точки зрения от предварительно определенного субъекта: наоборот, субъектом становится тот, кто в точку зрения попадает» [10, С. 35].

Здесь мы используем интерпретацию перспективистской философии Готфрида Лейбница Жилем Делезом. Но делаем это до определённого предела: мы хотим показать отношение точки зрения и субъекта, её занимающего в контексте нашей темы: фигур свояка-врага и своего-чужого. Мы хотим показать то, как это отношение возможно помыслить.

В точке зрения обретается субъектность. Именно нахождение в той, а не иной точке зрения, даёт чёткое восприятие перспективы, открывающейся с этой точки зрения [11, С. 33]. «Точка зрения глубже, чем тот, кому она принадлежит»[11, С. 32], таким образом, «именно точка зрения эксплицирует субъект, а не наоборот»[11, С. 32]. Субъект появляется в точке зрения и действует в ней. Но в определённой точке зрения появляется определённый субъект. «А из чего создаётся точка зрения? Она зависит от пропорции региона, выражаемого индивидом ясно и отчётливо, по отношению к тональности мира, выражаемой смутно и беспорядочно. Вот она, точка зрения»[11, С. 34]. То есть стоять на той или иной точке зрения, значит иметь ту или иную перспективу на мир. Мир выглядит по-разному с точки зрения, занимаемой своим и чужим, своим и врагом. Перспективы отличаются. Но субъект имеет представление о многих перспективах, он знает, что их больше одной. Субъект удерживает существование разных перспектив, но с разной степенью четкости. В нашем случае, степени четкости – это возможные и невозможные режимы осуществления себя: действовать как «свой» или действовать как «чужой». Стоя на одной точке зрения, можно быть «своим», стоя на другой – быть «чужим». Эти точки зрения отсылают к месту: территории Родины и территории Чужбины. Само место нахождения субъекта, то есть точка зрения детерминирует функционирование того или иного режима. На этом месте мы остановим обращение к интерпретации лейбнизианской философии Делезом, поскольку нашей целью было показать детерминацию субъекта точкой зрения.

В своей практике (в четком отражении того или иного региона мира или вовлеченности в ту или иную практику, делания определенных вещей определенным образом) шпион актуально укоренен в какой-то из перспектив, но в то же время он удерживает и другую. Агентность шпиона режимна, то есть шпион обладает пластичностью. Он может работать по-разному внутри пространства своих внутренних режимов.

Шпион активно реализует присущее человеку свойство, которое Жан-Мари Шеффер называет «индивидуальной пластичностью – то есть приспособлением благодаря когнитивно-социальным стратегиям»[12, С. 162]. А Катрин Малабу указывает на амбивалентный потенциал пластичности[13, С. 30]. С одной стороны, на способность принимать любую форму (в нашем случае, переключаться между режимами свой-чужой – быть своим или быть чужим). Иметь определённую форму, это значит быть вписанным в установленный порядок: идеологический, практический, культурный и так далее. Наделить себя всеми теми маркерами, по которым определяется форма субъекта в определённом пространстве. И, с другой стороны, уничтожения всякой формы (подрывная деятельность шпиона на территории врага). Катрин Малабу говорит в этом отношении о пластичных взрывчатках. Подобно тому, как взрыв уничтожает форму, шпион стремится

уничтожить территорию врагов, будто бы взорвав себя как взрывчатку (то есть произведя какие-то действия, нарушающие корректное функционирование режима практик врагов), заложенную внутри вражеской формы. Пластичный субъект способен на «онтологический взрыв» [13, С. 98], делающий возможным «переход от одного порядка к другому, от одной организации или от одной данности к другой» [13, С. 98].

Так же, как и свой-чужой (шпион), свояк-враг пластичен. Он принимает форму и он готов взорвать ее. В отношении взрыва формы может быть упомянут фрагмент из исследования де Кастру. Его суть заключается в том, что предназначенный для поедания враг не страшится своей участи. Напротив, в период нахождения в чужом племени он насмехается над врагами. Такая возвышенная позиция объясняется перспективистски: пленник полагает, что вкусившие его плоти враги через поедание его (врага) будут поедать своих сородичей. То есть тех, кто до этого был съеден как враг в племени того, кто теперь является их пленником. Уничтожить форму (врага) в данной перспективе попросту невозможно, потому что само её уничтожение есть и её взрыв – то есть уничтожение формы тех, кто поедает. Ведь, по сути, они поедают сами себя (то есть своих предков, чья символическая плоть теперь это плоть их врага). В этом перспективистском видении обнаруживает себя символическое понимание практики каннибализма у де Кастру.

Завершая исследование, подведем основные итоги и попытаемся обозреть ту перспективу, которая открылась в ходе работы. Свой-чужой и свояк-враг одинаково справляются с двусмысленностью, порождаемой существованием двух перспектив. Внутренний диалог субъекта, который обосновывает необходимость умножить себя на два, то есть получить произведение свой-чужой, выстраивается сходным образом у того, кто является шпионом и у представителей амазонских племен, исследуемых де Кастру. Разные онтологические измерения обнаруживают общее в свойстве диалогичности и ритме мышления – перспективизме.

Это совпадение механик диалогичности своего-чужого и свояка-врага позволяет говорить об интенсификации. Смещение фокуса с диалога как практики на диалогичность как свойство двойственных фигур (сваяк-враг, свой-чужой), позволило нам отойти от магистрального вектора философии диалога и проследовать по утечке диалогичности как способа философской практики. Предложенный в статье подход может быть использован в исследованиях других двойственных фигур. То есть для тех концептов субъекта, которые функционируют перспективистски: переключаются между двумя перспективами. Возможно, этот подход может быть использован и для концептов субъекта, включающих более двух перспектив. В таком случае, топология точек зрения будет расширена. Однако, можем предположить, что философия перспективизма сможет предоставить достаточно интеллектуальной интенсивности для того, чтобы исследовать тех, кто «общается по краям, общим у которых является только то, что их разделяет» [2, С.40].

Список литературы

1. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции/ Ф. Жюльен; пер. с фр. – М.: Московский философский фонд, 2001. – 359 с.

2. Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э. Кастру; пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 200 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти/ Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Эксмо, 2017. – 608 с.
4. Бирнбаум Д. Хронология/ Д.Бирнбаум; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 116 с.
5. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека/ Э. Кон; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 344 с.
6. Барад К. Агентный реализм // Опыт нечеловеческого гостеприимства: антология. Под ред. М. Крамар, К. Саркисова; пер. с англ. – М: V-A-CPress, 2018. Сс. 42 - 122.
7. Беннет Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннет ; пер. с англ. – П. : Гиле Пресс, 2018. – 220 с.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж.Делез, Ф.Гваттари; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.
9. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
10. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делез; пер. с фр. – М.: Издательство Логос, 1997. – 244 с.
11. Делез Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87 / Ж.Делез; пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 376 с.
12. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер; пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
13. Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом? / Малабу К; пер. с фр. – М.: V-A-CPress, 2019. – 112 с.

Akulinin V.N. Perspective Approach to Research of Dialogicity. Analysis of Figure Own-alien Eduardo Viveiros De Castro // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 3–12.

The work is devoted to the problem of dialogue. Passing the main directions of research in the philosophy of dialogue, the problematic of this article is based on the duality of the spy figure, in which the dialogue is manifested. Such an approach makes it possible to explore dialogue as a philosophical practice, emphasizing dialogue as a property of the mode of practice of a figure (spy) with paradoxical identity.

The peculiarity of the spy figure is the existence of two perspectives. On the one hand, the spy has a homeland that he protects. On the territory of the motherland the spy is "own". But in order to defend the Motherland, the spy needs to leave it and find it in the territory of the enemy, that is, to become "alien" to his Motherland, and yet remain "own" to him in order to carry out espionage.

In the mechanics of the figure of a spy, dialogue is revealed. Own and alien are in constant dialogue. The identity of the spy, it is own-alien, that is, a double, paradoxical identity. The study is based on the perspective approach of the Brazilian philosopher Eduardo Viveiros de Castro, and also relies on the perspective philosophy of Friedrich Nietzsche and the delesian interpretation of the perspective philosophy of Gottfried Leibniz. The tension arising in the figure of the spy is captured by the perspective optics of research.

Spying is considered to be a double play practice. And not in a military or political context, but in the context of everyday life. Such a view makes it possible to actualize the question of dialogue in a broad sense. Dialogicity as a property of the practice regime is carried out by a subject with paradoxical identity.

Keywords: dialogue, perspectivism, spy, own-allien

References

1. Julien F. Put k tceli: v obhod ili napriamik. Strategia smisla v Kitae I Grecii [Path to the Goal: Bypassing or Straight. Sense Strategy in China and Greece]. Moscow Philosophical Foundation, 2001, 360 p.
2. Castro E. Kannibalskie metaphiziki. Rubezhi poststrukturnoj antropologii [Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology]. Moscow, Ad Marginem Press, 2017, 200 p.

3. Nietzsche F. Volja k vlasti [The Will to Power]. Moscow, Eksmo, 2017, 608 p.
4. Birnbaum D. Hronologija [Chronology]. Moscow, New Literary Review, 2007, 116 p.
5. Kohn E. Kak misljat lesa. K antropologii pot u storonu cheloveka [How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 344 p.
6. Barad K. Agentnij realism [Agent Realism] // Opiti nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologija [Experiences of inhuman hospitality] Moscow, V-A-C, 2018, p. 42 - 122.
7. Bennet J. Pulsiruyushaja materija: Politicheskaja ekologija veshej [Pulsating Matter: The Political Ecology of Things]. Perm, Hyle Press, 2018, 200 p.
8. Deleuze J., Guattari F. Chto takoe filosofija? [What is Philosophy?]. Moscow, Academic project, 2009, 261 p.
9. Hoffman I. Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opita [Analysis of Frames: an Essay on the Organization of Everyday Experience]. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2003, 752 p.
10. Deleuze J. Skladka. Lejbniz i barokko [Fold. Leibniz and Baroque]. Moscow, Logos Press, 1997, 244 p.
11. Deleuze J. Lekzii o Lejbnize. 1980, 1986/87 [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 376 p.
12. Scheffer J.-M. Konec chelovecheskoj iskljuchitelnosti [The End of Human Exclusivity]. Moscow, New Literary Review, 2010, 392 p.
13. Malabou K. Chto nam delat s nashim mozgom? [What Do We Do with Our Brain?]. Moscow, V-A-C Press, 2019, 112 p.